

ние брату» Нила. С точки зрения представления об авторской собственности, характерной для XV в., возможно и заимствование Иосифом части вступительного «послания» и заимствование им целых «слов». Но какую бы из этих возможностей мы ни приняли, ясно одно: использование Иосифом сочинения Нила в его борьбе против еретиков свидетельствует о близости между обоими писателями, о том, что волоколамский игумен видел в сорском отшельнике своего единомышленника в борьбе с ересью.

О связи Нила с «обличителями» говорит еще одно обстоятельство. Выше мы уже отмечали активную роль, которую играло в борьбе с еретическим движением непосредственное окружение великой княгини Софии Палеолог. Речь идет здесь в первую очередь о приехавших с Софией на Русь братьях Траханиотах, помогавших новгородскому владыке в его полемике с еретиками и даже доставивших ему отчет о деятельности испанской инквизиции. Но к свите Софии Палеолог принадлежало еще одно лицо — князь Константин Мавнукский (Манкупский), также переселившийся в Россию вместе с «царегородской царевной». Как и Траханиоты, князь Константин завязал тесные связи с высшей церковной иерархией: он поступил на службу к ростовскому архиепископу Иоасафу, тому самому иерарху, через которого Геннадий вступил в переговоры с Паисием и Нилом. В 1489 г. Иоасаф был лишен сана вследствие какого-то столкновения с великим князем; крайне недовольный этой отставкой, Геннадий попрекал Иоасафа за то, что он не сумел остаться архиепископом в момент борьбы с еретиками: «...оставил архиепископию, да предал еси овцы влъком на расхищение, а слыша такуюв беду церковную». ⁷⁵ Вместе с Иоасафом подвергся опале и Константин Мавнукский: ему пришлось удалиться вместе с Иоасафом в монастырь и там, вопреки его желанию, постричься (под именем Кассиана). ⁷⁶ Опала Иоасафа и Константина, по всей видимости, была связана с теми «скорбями многими», которые, как рассказывал Иосиф Волоцкий, пришлось вынести некоторым деятелям церкви в годы близости великого князя с еретиками; сочувствуя своим пострадавшим собратьям, другие церковники, по словам Иосифа, «пострадали» им «писанием утешительным». Геннадий писал «утешительное писание» Иоасафу; «писание утешительное» Константину-Кассиану Мавнукскому написал Нил Сорский. Послание это дошло до нас. В послании Нил вспоминает бедствия, испытанные опальным князем на родине: «скорби, и беды, и пленение и заведение от своея земли и рода и отечества в землю чужю и язык несведом», и затем на Руси: «потом же наведе на ны, грех ради наших искушения и скорби и заточения», и утешает Кассиана: «О сем паки радуяся, яко возлюби нас бог, не хотя мучити на оном веце будущем, но зде попусти поскорбети». ⁷⁷

Известные нам факты биографии Нила Сорского (относящиеся, по видимому, в основном к концу XV в.) не дают, таким образом, оснований для противопоставления его Иосифу Волоцкому и иосифлянам. Исключение составляет только один факт, не засвидетельствованный современными Нилу источниками и известный только на основании посмертной традиции. Мы имеем в виду выступление Нила Сорского по вопросу о монастырских имуществах в связи с собором 1503 г. Наиболее про-

⁷⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... Приложение, стр. 317.

⁷⁶ См.: Житие св. Константина кн. Манкупского. ГПБ, Погод. 1563, лл. 65 об.—67. Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 56, прим. 26.

⁷⁷ ВБЛ, Фунд. 185, лл. 364 об.—365. В печатном издании (Преподобный Нил Сорский. СПб., 1864, стр. 185) неверная, по нашему мнению, транскрипция: «Потому же наведе на ны...».